

О.В. Зотов

ИВ РАН

**Проблема «судьбы Синьцзяна»
в историографии и действительности**

Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошедшее тлеет.

А. Ахматова

Синьцзян может дать представление о том,
что может ждать большую часть Азии...

Р. Менон, Э. Уимбуш

[18, с. 97]

1. Забытый край, туманный край...

Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) – крупнейшая и политически наиболее нестабильная административная единица КНР (1/6 ее территории) – очень редко присутствует на страницах отечественных научных работ и массовой периодики. Подчас создается впечатление, что Синьцзян вовсе не существует. Или существует в идиллических картинках научно-популярных и популярных изданий – путевых заметок Н. Ахметшина или статьи в журнале «Вокруг света». Такие изображения, по наблюдению Й. Мюрдаля и Г. Кессле, могут подействовать усыпляюще [1; 24; 25; 46, р. 14].

Научные монографии Д.В. Дубровской и К.В. Бармина появились от пяти до десяти лет назад. Из отечественных новинок, посвященных Синьцзяну, назвать можно лишь монографию С.В. Моисеева (во многом повторяющую монографию Д. Исиева). Мало меняют картину две статьи о Синьцзяне в научных сборниках 2005–2006 гг. издания. Особняком стоит объемистая казахстанская монография К.А. Сыроежкина [2; 3; 10; 12; 20; 34]. «Конкурентом» ей составляют еще три иностранных: старые монографии Я. Мюрдаля и Дж. Чэня и относительно новая – М. Диллона [39; 41; 45]. Событиями 2003–2007 гг. стали научно-популярные монографии В.Г. Обухова и В.И. Петрова [23; 24].

Положение в Синьцзяне более чем серьезно. Уже два года здесь идет партизанская война, о которой поступают случайные и отрывочные

© Зотов О.В., 2008

сообщения: в январе 2007 г. на Памире китайские войска в условиях горной зимы (!) уничтожили базу уйгурских боевиков, понеся при этом потери [22, 12.01.2007, с. 7; 14, 31.10.2007, с. 2]. Конфликт обретает все черты международного – *войны цивилизаций*, он чреват дестабилизацией всех членов ШОС, Центральноазиатского региона и Азии в целом. Синьцзян соседствует с исламской дугой нестабильности. Уйгурские боевики проходят обучение и стажировку в горячих точках Афганистана, Ирака, Чечни и др.

2. Две тени Сталина

Явления и процессы истории Восточного Туркестана могут рассматриваться с разных точек зрения. Наглядным символом такой неоднозначности можно считать статую Сталина во дворе кульджинской школы № 7: иногда она отбрасывает сразу *две* тени в различных направлениях [45, р. 263]...

Проблема «судьбы Синьцзяна» в отечественной историографии решалась неоднозначно: акад. В.В. Бартольд первым выдвинул идею «конца истории» Восточного Туркестана [4]; позднейшие авторы молчаливо ее признавали. При этом дескриптивную метафизику Бартольда еще в 1904 г. подверг сокрушительной критике А.Е. Снесарев (капитан, впоследствии генерал и основатель теории гео-историко-политики). Но критика эта была доступна лишь офицерам разведки Туркестанского военного округа, так как увидела свет на страницах закрытого служебного издания [31, с. 35–39].

Непосредственно «судьба Синьцзяна» затронута в двух монографиях последних лет – Д.В. Дубровской и С.В. Моисеева. В этих солидных работах новая история Восточного Туркестана (Синьцзяна) рассматривается на примере ключевого периода – народно-освободительного восстания 1864 г. и существования в 1865–1877 гг. независимого государства Йеттишар. Слабее тема раскрыта в широком историческом контексте, необходимость которого доказал ген. Снесарев.

Д.В. Дубровская не уходит от предыстории вопроса, которой посвящает гл. 1 своей монографии. Результативная экспансия Китая в Западном крае прервалась с падением империи Хань на полтора тысячелетия (!), а сами китайцы признали нецелесообразность попыток подчинения Кашгарии (позднейшего Восточного Туркестана). Нежелание Ли Хунчжана и Цзэн Гофаня возвращать Синьцзян под власть империи Цин в 1877 г. выглядят вовсе не случайными, а закономерными.

С.В. Моисеев считает, что государство Йеттишар было неустойчивым и его союзником могла быть только Россия – заинтересованная не в этом союзе, а в китайском контроле над Синьцзяном. Такие взгляды ни в то время, ни позже не были в России единственными. Л.Г. Корнилов не соглашается с А.Н. Куропаткиным и прямо указывает, что режим кокандца Якуб-бека был для Восточного Туркестана скорее благоприятен и в политическом, и в социальном плане [13, с. 23; 15]. Опасность государства Якуб-бека для России выглядит у С.В. Моисеева (как и у ряда других авторов) преувеличенной. Хотя подобными опасениями насчет Синьцзяна страдал даже И.В. Сталин.

3. Совсем не загадочный Восточный вопрос

Удивляет сам термин «загадочный Восточный вопрос» [11, с. 213]. Он давно уже не составляет загадки и раскрыт в работах прежде всего

А.Е. Снесарева. Ген. Снесарев объясняет эволюцию Восточного вопроса от Ближне- к Средневосточному как логичный переход от борьбы за восточное Средиземноморье (западные подступы к Индии – «жемчужине Британской империи») к борьбе за северные к ней подступы в Центральной Азии – буферные территории Ирана, Афганистана, Памира, Кашгарии (юга Восточного Туркестана), Тибета [29, с. 19–27]. А поскольку Британской империи и Британской Индии более не существует, то 1-й и 2-й Восточные вопросы сменились 3-м – Восточнотуркестанским; борьба в XXI в. идет за геополитическую жемчужину Китая – главного конкурента США, и за центральноазиатские подступы к ней. Большая игра великих держав в центре Азии отнюдь не ушла в прошлое в 1907 г. 3-й Восточный вопрос реализуется в режиме Большой игры, как и 2-й; *игра* наиболее соответствует природе современной войны 5-го поколения – *параинформационной*, или игровой [8, с. 6; 23, с. 478; 47, р. 223–224; 33, с. 144; 38, р. 223].

4. *Cor ardens* – горящее «Сердце Земли»

Чрезвычайно острое положение в Синьцзяне объясняется не простым «этносепаратизмом» уйгуров, а куда более серьезными причинами: 1) плохой совместимостью китайской и уйгурской культур; 2) бедностью и неравноправием неханьского населения; 3) отсутствием в Синьцзяне позитивного влияния реформ на положение автохтонных этносов («ханьская модернизация», см. [34, с. 364–365]); 4) формально-бюрократическим характером «местной национальной автономии»; 5) введением с 1984 г. насильственного регулирования рождаемости у мусульман; 6) жестко-полицейскими мерами подавления малейшего недовольства некитайского большинства населения Синьцзяна; 7) продолжением заселения Синьцзяна китайцами.

Неудивительно, что 19 мая 1989 г. уйгурские демонстранты разгромили провинциальный партком КПК в Урумчи, а с 1990 г. в СУАР не прекращаются массовые беспорядки, вооруженные выступления, диверсии и теракты под лозунгами «священной войны». (Они начались 5 апреля 1990 г. в Баринской волости Кизилсу-Киргизского автономного округа именно с протестов против регулирования рождаемости местного мусульманского населения и тотального контроля над мусульманскими общинами.) В том же году возникла Исламская партия Восточного Туркестана, возглавившая последующие массовые выступления протеста (как отмечалось в документах КПК, «в острой и демонстративной форме»). Сеть подпольных ваххабитских организаций в Синьцзяне объединяет прежде всего молодежь 18–30 лет со средним и высшим образованием. Из них формируются отделения, взводы, роты, подразделения спецназа. В 1990–1998 гг. в Синьцзяне произошло минимум 700 вооруженных выступлений и диверсий, в целом – «несколько тысяч происшествий». В этих событиях участвовали 16 (из 27 существующих) уйгурских оппозиционных организаций.

Уйгурская диаспора представлена в мире примерно двадцатью организациями различного типа. Большинство из них – национальные землячества (в Канаде такое землячество возглавляет вдова Д. Исиева), но есть и ряд радикальных политических организаций исламистского, пантюркистского

толка. В 1999 и 2001 гг. состоялись II–III всемирные курултаи (съезды) уйгуров в Мюнхене и Брюсселе. Созданный съездами Всемирный Уйгурский конгресс ведет борьбу политико-пропагандистскими методами на Западе и в других регионах, включая Среднюю Азию. Экспертные оценки разрешимости уйгурского вопроса в Синьцзяне даже здесь таковы: 30% экспертов считают его разрешимым лишь при условии широкой автономии Синьцзяна, а 22% считают необходимым немедленное прекращение его китаизации [21, с. 437; 34, с. 293, 400, 406–410, 419–422, 574]. В противном случае сохранение Синьцзяна в составе КНР признается проблематичным.

Но в документе ЦК КПК от 19 марта 1996 г. утверждается, что положение в Синьцзяне признается «стабильным», уровень жизни – «растущим», экономика – «развивающейся». Все это может иметь место севернее Тяньшаня, в китаизированных районах Джунгарии. Положение к югу от Тяньшаня, в уйгурской Кашгарии, обстоит с точностью до наоборот (ей отведена роль сельскохозяйственного сырьевого придатка с долей торговли и примитивной легкой промышленности).

Недовольство некитайского населения подавляется двумя несложными способами – «жесткого удара» и «большой чистки» (пресловутые ходы «E2–E4». – О.З.). Уйгуры не могут ни понять, ни принять ограничения их рождаемости, составляя всего лишь 0,006% населения КНР. Лишь в Хотанском округе (по сообщению местной «Хотан гезити») из 40 тыс. уйгурских женщин насильно подвергнуты абортам 30 тыс. На этническую чистку уйгуры отвечают вооруженным сопротивлением. Сопротивление опирается на достаточно развитую организацию, систему боевой подготовки и тылового обеспечения. Еще в 1990 г. в уезде Башерик на юге Синьцзяна была обнаружена база подготовки боевиков на 60 курсантов; всего таких баз на территории КНР ИДВТ было создано 20; из подготовленных боевиков сразу были сформированы 15 диверсионных групп. В декабре 1999 г. обнаружен подземный завод по производству боеприпасов – бункер на трехметровой глубине, в конце февраля 2000 г. – еще более крупный объект, оборудованный водопроводом и вентиляцией, в нем – склад мощных боеприпасов. На десятках тайных складов только в округе Хотан было изъято 4,5 тыс. гранат и оборудование для производства боеприпасов [34, с. 615–616, 624–627, 710–715].

Несмотря на определенные успехи репрессий, руководство КНР встревожено масштабами и глубиной сопротивления уйгуров. Еще в ноябре 1995 г. был сделан вывод, что противник умело сочетает «литературное наступление с вооруженным давлением», т.е. наступательную пропаганду с обороной в чисто военном плане [34, с. 376]. Во-первых, инсургенты следуют принципу Клаузевица–Снесарева «обороняющиеся победили, наступающие потерпели поражение» [30, с. 208]. Во-вторых, «литературное» (*вэнь*) и «вооруженное» (*у*) – две половины китайского иероглифа *бинь* («гармония»). Сопротивление уйгуров достигло опасного для Китая уровня «гармонии». Китайские эксперты (1995 г.) считают, что уйгурские повстанцы отводят подпольной работе, терактам и диверсиям 1995–2005 гг., партизанским действиям – 2005–2015 гг., войсковым операциям – 2015–2025 гг. Действительно, спецвойна состоит из подпольной борьбы, партизанских действий и мобильных войсковых операций (вместе – необычная

маневренная война). Но деление 30 лет борьбы на равные отрезки неверно: спешить с войсковыми операциями нельзя, они допустимы лишь в самом финале. (В конце 40-х гг. греческие повстанцы поспешили перейти к войсковой стадии борьбы – и потерпели поражение. Китайцы признают, что «сепаратистская деятельность возникает повсеместно...», несмотря на ужесточение действий армии и спецслужб. В такой войне значимы «горстки, а не армии»; см. [6, с. 39, 232; 7, с. 70, 74, 76, 80; 34, с. 372, 376; 28, с. 63]).

90% безработных в Синьцзяне – уйгуры. Уйгурская молодежь по окончании средней школы и тем более вуза не видит никакой жизненной перспективы: все современные специальности и должности «китаеязычны», но знание китайского языка не гарантирует куска хлеба: китайских безработных (включая специалистов) больше, чем всех уйгуров вместе взятых. Уйгурские города Кашгарии заселяются китайскими переселенцами. Этих культурно чуждых переселенцев власти КНР начинают внедрять даже в уйгурскую деревню (что чревато экологической катастрофой в силу чуждости методов китайского земледелия экстремальным условиям пустыни Такла-Макан).

Для сепаратизма созданы все необходимые условия: 1) национальное самосознание уйгуров; 2) их социальная консолидация; 3) национальное согласие; 4) крайнее недовольство политикой властей КНР; 5) в программах и лозунгах четко выражена цель устранения несправедливости любыми доступными средствами; 6) все это происходит в условиях приверженности китайских властей старым имперским методам решения национального вопроса. Миролюбие и деликатность, высокая культура уйгуров, их приверженность мирным занятиям вводят в заблуждение не только неопытных наблюдателей, но даже китайцев. В бою уйгуры своей храбростью подчас превосходят ферганцев («кокандцев»; здесь Ч. Валиханов ссылается на выводы специалистов-«афганов»; см. [5, с. 174]).

За 240 лет пребывания в Синьцзяне (1760–2000) Китай не сумел выйти за рамки опоры на «трех китов»: репрессивного насилия, подкупа части местной элиты и прогрессирующей китайской колонизации. XIX век отмечен целой серией восстаний и созданием независимого государства Йеттишар. В XX в. попытки отделения от Китая удвоились (создание двух Восточно-Туркестанских республик в 30–40-е годы). В период КНР были обмануты надежды на социальную и национально-культурную справедливость, и число восстаний удвоилось. В 1967–1968 гг. в Синьцзяне пыталась возродиться нелегальная Народно-революционная партия (правившая 2-й Восточно-Туркестанской республикой второй половины 40-х гг.; см. [41, р. 57]). С середины 80-х годов верх взял исламский клерикализм 1-й ВТР (начала 30-х годов). До перестройки уйгурские патриоты в Синьцзяне и эмиграции могли надеяться на некоторую поддержку СССР, но затем ее лишились. Не найдя поддержки больше нигде, уйгурские патриоты пошли на сотрудничество с аль-Каидой, Хизб ут-Тахрир, Исламским движением Узбекистана; Исламская партия Восточного Туркестана и Исламское движение Узбекистана объединились в Исламскую партию Туркестана.

Объединенная ИПТ усилила сотрудничество с исламистами Афганистана и Северного Пакистана. Сближение и сплочение трех исламистских центров Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока не сулит ничего

хорошего ни членам ШОС в отдельности, ни организации и Азиатскому континенту в целом. Нестабильность государственной власти в Таджикистане и особенно Киргизии (с ее ферганским югом) облегчает инфильтрацию уйгурских боевиков в Синьцзян. Отметим, что уйгуры – достаточно многочисленная часть населения Ферганской долины в пределах как Узбекистана, так и Киргизии.

Как в КНР на территории Синьцзяна, так и в странах Средней Азии силовые меры и методы оказываются недостаточны и даже неадекватны пропагандистской стратегии и тактике исламистов («литературному наступлению»). Ни одна из предлагаемых (косвенных) мер воздействия на ситуацию в зоне ШОС (см. [26, с. 163–164]) не может быть вполне действенной при наличии глубинного кризиса в Синьцзяне – и достаточно высокой вероятности его перерастания в национально-освободительную войну типа афганской; она затронет всех союзников и соседей КНР.

5. Формулы фатума

Перипетии истории Восточного Туркестана нового и новейшего периода сами по себе еще не объясняют, насколько закономерны или случайны попытки народов Синьцзяна вернуть себе независимость. В рамках нового и новейшего периодов этот вопрос не имеет ответа, поскольку все это время с незначительными перерывами Китай здесь господствовал. Но если взять двухтысячелетнюю историю страны в целом, картина будет обратной: практически никогда китайским империям не удавалось здесь закрепиться. Знаменитые танские «завоевания» проводились тут силами тюркских союзников и обернулись полной тюркизацией иранского населения Кашгарии – тохаров и саков. Пресловутое данничество соседей Китая (включая кашгарских) было псевдоданничеством. В середине XVIII в. империя Цин «сорвала банк» в большой и азартной монгольской игре. Второй раз империя Цин «повезло» в борьбе с государством Якуб-бека, которого не поддержали европейские державы; но победа клики Цы Си в вопросе о возвращении Синьцзяна обернулась полным упадком Китая как великой державы.

К истории Восточного Туркестана следует «подходить, выходя подчас за пределы того или иного периода, чтобы дать целостное представление о причинах и последствиях событий» [19, с. 4]. Оценить историю периода Восточного Туркестана уйгурского (с середины IX в.) можно и должно стратегическим методом А.Е. Снесарева по формуле совокупной геополитической мощи; французский тезка Снесарева ген. А. Бофр называет ее «уравнением мироздания» [38, р. 45]. Все во Вселенной триедино как «ресурс–энергия–работа». В геополитике ресурс конкретной страны порождает энергию народа и работу государства (триада страна–народ–государство). В снесаревской гео-историо-политике страна складывается в прошлом, а энергия народа в настоящем позволяет государству работать на будущее. В алгебраическом виде это материальные элементы $F=C+E+M$. Но ведущую роль в истории и политике всегда играют силы духовные, втрое-четверо сильнейшие: цели-и-ценности S , теория W и практические технологии P ; $\Psi=S+W+P$. Интеграл совокупной мощи выглядит как: $Pp=(C+E+M)(S+W+P)$. Элементы C и S могут делиться на C_1 территорию

и C_2 население, S_1 ценности и S_2 цели; в этом случае интеграл приобретает вид $Pp=(C_1+C_2+E+M)(S_1+S_2+W+P)$. В пределах каждого длительного периода истории элементы цивилизации вызревают в указанной выше последовательности, хотя и неравномерно. Применительно к Восточному Туркестану можно убедиться в наличии двух альтернатив исторического развития – одной нисходящей и одной восходящей.

Первая прослеживается с IX в. как эволюция мелкого и незначительного уйгурского царства Кочо в Турфане: в IX–X вв. уйгуры закрепляются на территории (C_1) юго-восточной Джунгарии, в X–XI вв. уйгурское население (C_2) осваивается в оазисах северо-восточной Кашгарии, в XI–XII вв. царство Кочо достигает экономического (E) расцвета на Шелковом пути, в XII–XIII вв. оно укрепляется политически (M), в XIII–XIV вв. Кочо попадает в водоворот геополитики Чингис-хана и Чингисидов как ценное (S_1) приобретение, в XIV–XV вв. моголы преследуют цель (S_2) создать новую империю в центре Азии, включая Восточный Туркестан, в XV–XVI вв. им это частично удается понять (W) и объединить в Кашгарию, в XVI–XVII вв. могольское ханство втягивается в полосу серьезного кризиса и практически (P) превращается в теократию накшбандийских ходжей-вассалов Джунгарского ханства; в итоге (Pp) в течение XVII–XVIII вв. империя Цин проникает в Восточный Туркестан и подчиняет его; $Pp=(C_1+C_2+E+M)(S_1+S_2+W+P)$. Данная альтернатива исторической эволюции Восточного Туркестана упадочна и пессимистична, она движется по нисходящей траектории. Подобный «конец истории» конкретной страны не учитывает перипетий ее дальнейшего развития в XIX–XXI вв.

Гораздо примечательнее вторая альтернатива, охватывающая период XIII–XXI вв. В первой четверти XIII в. царство Кочо стало важнейшим фактором азиатской геополитики: с него как привилегированного союзника началось формирование империи Чингис-хана. Итак, в XIII–XIV вв. территория (C_1) Восточного Туркестана стала фактором глобальной геополитики, в XIV–XV вв. здесь и по соседству сформировалось государство нового народа (C_2) – моголов, в XV–XVI вв. государство Моголов усилилось (E) в пределах Восточного Туркестана, в XVI–XVII вв. оно пережило политический (M) кризис клерикализации и превращения в джунгарского вассала; в XVII–XVIII вв. Могольское ханство пережило ценностный (S_1) кризис, что в XVIII–XIX вв. обернулось потерей собственной цели (S_2) развития и утратой независимости; в XIX–XX вв. в ходе национально-освободительной борьбы произошла кристаллизация понимания (W) национального единства уйгуров, а в XX–XXI вв. наблюдается переход борьбы за возвращение национальной независимости в практическое (P) русло; $Pp=(C_1+C_2+E+M)(S_1+S_2+W+P)$. Такова оптимистическая альтернатива движения восточнотуркестанской истории по восходящей траектории. Первую отстаивал на ограниченном и не обобщенном материале акад. В.В. Бартольд. Вторая альтернатива опровергает Бартольда и заслуживает повышенного (не только и не столько академического) внимания. Именно в данном ключе может и должна рассматриваться т.н. «судьба Синьцзяна».

Не менее важно понять, что история вообще и региональная в частности а) предсказуема и б) управляема. Хотя традиционно будущее считается «туманным и неясным» (О. Клабб), современный подход генералов

П.М. Галлуа и А. Бофра иной: он допускает «предвидение и управление судьбой», «маневрирование кризисами», ибо «история – единственно верный путь к цели (определение А.Е. Снесарева) [32, с. 240; 38, р. 21; 40, р. 520; 42, р. 314].

6. Статуэтка трех обезьян

К Восточному Туркестану неприменимы поверхностные «экскурсы в историю» или подход «не вглядываясь в историю» [17, с. 248; 34, с. 83; 41, р. 8]. Неуместна и неправомерна постановка вопроса об «автохтонности» уйгуров Восточного Туркестана [34, с. 38]: они там живут вторую тысячу лет, тогда как китайцы – лишь третье столетие. Под сомнениями в автохтонности уйгуров скрываются намерения китайских властей вытеснить их из Восточного Туркестана [34, с. 713].

Попытки системно-последовательного изучения истории Восточного Туркестана имели место более ста лет назад (см. [9]). Вспоминается притча А.Е. Снесарева о статуэтке, изображающей трех обезьян: первая обезьяна ничего не видит и не слышит, вторая – слышит, но не видит, а третья – видит и слышит, но молчит. (Позднее статуэтка очутилась на рабочем столе адмирала *Канариса* [29, с. 229–230; 35, с. 21].) У Лао-цзы «знающий – тот молчит». Но располагаем ли мы знанием, о котором (иногда) стоит молчать? Подчас мы больше «слышим звон» (подобно второй обезьяне), чем сами наблюдаем и видим... Таков результат длительного умолчания о Синьцзяне – тщетной, «злосчастной предосторожности» [27, с. 165; 28, вып. 2, с. 53]. При этом США действуют в отношении России, Китая и Восточного Туркестана по совету Дж. Вашингтона: «...мероприятия, которые кажутся химерическими, часто оказываются успешными именно потому, что чем незначительнее кажется опасность и чем более враг не подготовлен, тем более открывается ясная перспектива успеха» (цит. по: [16, с. 49]).

7. Минимум выводов на перспективу и данный момент:

- Синьцзян (Восточный Туркестан) исторически и культурно чужд Китаю и не может быть органично в него интегрирован;
- «подъем Запада» не обещает уйгурским районам Синьцзяна ни развития, ни улучшения жизни;
- духовные ценности для уйгуров выше материальных и сулят им «большие нравственные выгоды» (см. [43, р. 3; 44, р. 203]) в дальнейшей борьбе;
- в КНР идет цивилизационная война;
- эта война является частью глобального соперничества КНР–США в условиях третьей мировой войны;
- в рамках этой войны, война в Синьцзяне чревата серьезнейшими неприятностями для России, ШОС и Евразии в целом;
- конвергенция мятежей в Афганистане, Пакистане, Средней Азии (а также Ираке, Курдистане и т.д.) с критической массой движений в Синьцзяне весьма вероятна и чрезвычайно опасна;
- лишь серьезные (но маловероятные) перемены к лучшему в судьбе уйгуров способны предотвратить этот сценарий.

Литература

1. *Ахметишин Н.* Тайны великой пустыни. М., 2003.
2. *Бармин К.В.* Синьцзян в советско-китайских отношениях (1944–1949). Барнаул, 1999.
3. *Бармин К.В.* СССР и Синьцзян. 1918–1941. Барнаул, 1999.
4. *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В.В. Сочинения, т. 9. М., 1977.
5. *Валиханов Ч.Ч.* О состоянии Алтышара, или шести городов китайской провинции Наньлу (Малой Бухарии) в 1858–1859 гг. // Чокан Валиханов. Избранные произведения. М., 1986.
6. *Верховский А.* Огонь, маневр, маскировка. М., 1928.
7. *Верховский А.* Характер будущей войны и задачи Осовиахима. М., 1928.
8. Военная игра. Ч. 1. СПб., 1874.
9. *Григорьев В.В.* Восточный, или Китайский, Туркестан. Т. 1, 2. СПб, 1869, 1873.
10. *Дубровская Д.В.* Россия в Центральной Азии: не всегда романтический ориентализм // Актуальные проблемы Центральной Азии и Китая. Барнаул, 2006.
11. *Дубровская Д.В.* Судьба Синьцзяна. М., 1998.
12. *Исиев Д.* Уйгурское государство Йеттишар (1864–1877). М., 1981.
13. *Корнилов Л.Г.* Кашгария, или Восточный Туркестан. Ташкент, 1903.
14. Красная звезда.
15. *Куропаткин А.Н.* Кашгария. СПб., 1879.
16. *Лавренов С.* Война XXI в.: стратегия и вооружение США. М., 2005.
17. *Ларин А.Г.* Сепаратизм в Синьцзяне // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Барнаул, 2003.
18. *Менон Р., Уимбуш Э.* Азия в XXI в. // Прогнозирование развития КНР: экономика, информатика, внешняя политика, безопасность. М., 2000.
19. *Могилевкин И.М.* Невидимые войны XX в. М., 1989.
20. *Моисеев С.В.* Взаимоотношения России и уйгурского государства Йеттишар (1864–1877). Барнаул, 2006.
21. *Моисеев С.В.* Уйгурский вопрос во взаимоотношениях Китая и Казахстана в конце XX – начале XXI в. // Россия, Сибирь и Центральная Азия. Барнаул, 2005.
22. Независимая газета, 12 янв. 2007. С. 7.
23. *Обухов В.Г.* Схватка шести империй: битва за Синьцзян. М., 2007.
24. *Петров В.И.* «Мятежное „сердце“ Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания». М., 2003.
25. *Плескачевская И.* Китайский Туркестан // Вокруг света. 2006, № 8.
26. Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества. М., 2006. С. 163–164.
27. Сборник географических, статистических и топографических материалов по Азии, вып. 47. СПб., 1891 (секретно).
28. Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом, вып. 2. Ташкент, 1898 (не подлежит оглашению); вып. 12 (не подлежит оглашению). Ташкент, 1899.
29. *Снесарев А.Е.* Афганистан. М., 2002.
30. *Снесарев А.Е.* Жизнь и труды Клаузевица. М., 2007.

31. *Снесарев А.Е.* Рец. на: В.В. Бартольд. История Ирана // Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом, в. 49. Ташкент, 1904, № 1.
32. *Снесарев А.Е.* Рец. на: К. Клаузевиц. Основы стратегического решения // 34. Военная мысль и революция. 1924, № 4. С. 240.
33. Средняя Азия: андижанский сценарий. М., 2005.
34. *Сыроежкин К.А.* Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алма-Ата, 2003.
35. *Фараго Л.* Война лисиц. М., 2004.
36. *Beaufre A.* Batir l'avenir. Paris, 1969.
37. *Beaufre A.* Crises et guerres. Paris, 1974, Introduction à la stratégie. Paris, 1963.
38. *Beaufre A.* La nature des choses. Paris, 1969.
39. *Chen J.* The Sinkiang Story. N.Y.–Leiden, 1977.
40. *Clubb E.O.* China and Russia in the Great Game. N.Y.–Leiden, 1971.
41. *Dillon M.* Xinjiang: China's Muslem Far Northwest. N.Y., 2004.
42. *Gallois P.–M.* Paradoxes de la paix. Paris, 1967.
43. Grand Strategy in the War Against Terrorism. L.–Portland (Or), 2003.
44. *Jackson W.* Seven Roads to Moscow. Leiden, 1957.
45. *Myrdal J.* La route de la Soie. P., 1980.
46. *Myrdal J., Kessle G.* Gates to Asia. Leiden, 1972.
47. Terrorism and the UN. Bloomington–Indianapolis, 2004.